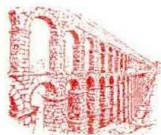

A. J. TOYNBEE

CIVILIZATION ON TRIAL

А. ДЖ. ТОЙНБИ

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ

СБОРНИК

Перевод с английского
И. Е. Киселевой
М. Ф. Носовой

Москва

Издательская группа
„ПРОГРЕСС” · „КУЛЬТУРА”

Санкт-Петербург
„ЮВЕНТА”

1996

СОДЕРЖАНИЕ

«Старомоден» ли профессор Тойнби? 5

Автор приносит благодарность... 18

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ 19

Предисловие 20

Мой взгляд на историю 21

Современный момент истории 28

Повторяется ли история? 35

Греко-римская цивилизация 42

Унификация мира и изменение исторической перспективы 52

Европа сужается 69

Будущее сообщества 84

Цивилизация перед судом 97

Византийское наследие России 105

Ислам, Запад и будущее 115

Столкновения цивилизаций 129

Христианство и цивилизация 135

Значение истории для души 149

 Theologia Historici 149

 Чисто приземленный взгляд 149

 Чисто потусторонний взгляд 151

 Третий взгляд: мир как провинция Царства Божьего 153

МИР И ЗАПАД 155

Предисловие 155

Россия и Запад 156

Ислам и Запад 163

Индия и Запад 170

Дальний Восток и Запад 176

Психология столкновений 182

Греки, римляне и остальной мир 189

ПЕРЕЖИТОЕ 196

Предисловие 196

ЧАСТЬ I. Судьбы 197

1. Отъезд в школу 197

2. Три греческих образования 202

3. Август 1914-го 227

4. Две Парижские мирные конференции 230

5. Тридцать три года в Четем-Хаусе 238

6. Почему и как я работаю? 256

 (I) Почему? 259

 (II) Как? 268

7. Янус в семьдесят пять 273

8. Другое дело 276

 (I) Конец программы (22 февраля 1966 года) 276

 (II) Смерть 279

 (III) Потеря разума до физической смерти 280

 (IV) Утраты 280

 (V) Лицом к лицу с самим собой 281

 (VI) Лицом к лицу со старостью 282

9. Религия: во что я верю и во что не верю 282

 (I) Субъективность религиозного опыта 285

 (II) Моя неспособность сдать экзамен на религиозную ортодоксальность 295

 (III) Пределы моего агностицизма 296

 (IV) Любовь есть Бог 296

 (V) Любовь не всемогуща 297

 (VI) Непостижимость всемогущества 298

 (VII) Порок во Вселенной 299

 (VIII) Болезнь в Человеке: грех и совесть 301

 (IX) Борьба Человека за преодоление эгоцентризма 304

 (X) Любовь и совесть как индикаторы характера конечной реальности 306

 (XI) Конечная реальность — это не Альфа и Омега 309

 (XII) Любовь: самоцельность и самоценность 311

Приложение 311

 Противоречия в Молитве Господней 312

 Агностицизм: для родителей — проблема, для детей — загадка 314

 Действенность молитвы, обращенной к Богу, во всемогущество которого не веришь 315

 Неизбежность и неадекватность антропоморфизма 320

ЧАСТЬ II. Людские дела на протяжении моей жизни 320

1. Людские дела и человеческая природа 323

2. Викторианская иллюзия стабильности разбирается вдребезги 334

3. Война: изменения в ее характере и в отношении к ней людей 356

4. Борьба между гуманизмом и бесчеловечностью 356

 (I) Раскол по поводу войны как классический случай общего нравственного конфликта 364

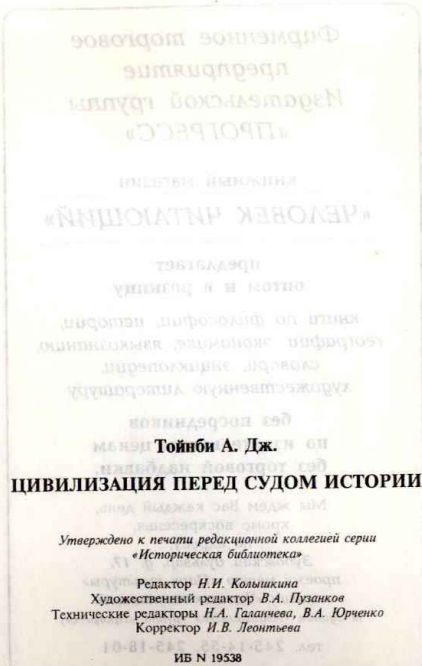
 (II) Гуманизм против геноцида, этнической чистки и апартеида 364

 (III) Диаспора, наказанная или господствующая 368

 (IV) Западноевропейская деколонизация и новые колониальные империи 374

 (V) Появление государства всеобщего благосостояния 374

5. Наука и технология: во благо или во зло	375
6. Перетягивание каната	386
7. Ветер перемен в религии	393
8. Непредвиденные последствия	399
(I) Головы гидры	399
(II) Ответный удар целебных лекарств на фермах в штате Айова	399
(III) Социальная цена новой технологии	399
(IV) Политический и экономический неокOLONИализм	400
(V) Графа Дебета на счету Британского Содружества	401
9. Посмертная повестка дня	403
Научный комментарий	411

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ

Тойнби А. Дж.

Утверждено к печати редакционной коллегией серии
«Историческая библиотека»

Редактор *Н.И. Кошкина*
Художественный редактор *В.А. Пузанков*
Технические редакторы *Н.А. Газаичева, В.А. Юрченко*
Корректор *И.В. Леонтьева*

ИБ № 19538

ЛР № 060775 от 25.02.92. Подписано в печать с готовых диапозитивов 07.12.92

Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Гарнитура Балтика

Печать офсетная. Уса. печ. л. 38,7

Тираж 5 000 экз. Тип. зах. № 2277. С 007. Изд. № 48862

А/О Издательская группа «Прогресс»
11987, Москва, Зубовский бульвар, 17

Отпечатано в типографии издательства «Дом печати»
432601, Ульяновск, ул. Гончарова, 14.

В первых главах этой книги мы сделали обзорные четыре эпизода истории, где Западная цивилизация сталкивалась с каким-либо из современных ей незападных обществ. Перед нашим взором прошли встречи России, ислама, Индии и Дальнего Востока с Западным миром. Наше исследование показало, что при всем различии опыта в случаях, когда общество испытывает удар со стороны чужой цивилизации, все четыре эпизода имеют ряд общих характеристик; поэтому целью настоящей главы является выбрать для дальнейшего изучения несколько факторов, которые представляются характерными не только для столкновений современного мира с Западом, но и для всех подобных столкновений между различными цивилизациями. Похоже, что существует некая общая психология столкновений, а это уже представляет практический интерес и значение сегодня, когда внезапно «сокращение расстояний» посредством использования достижений западной технологии столкнуло лицом к лицу, в упор десяток различных обществ, еще вчера живших своей жизнью почти так же независимо от других, как если бы каждое жило на отдельной планете, а не в устье других представителей того же рода.

Можем начать с того, что вспомним одно общее явление, привлекшее наше внимание в последней главе, где мы рассматривали сравнительные характеристики двух последовательных шагов Западной цивилизации на Китай и Японию. Мы заметили, что в первом случае Запад пытался наложить дальневосточным народам западный образ жизни во всей его полноте, вместе с религиозной и технологией, и эта попытка успеха не имела. Затем, как мы видели, во втором акте драмы Запад предложил тем же народам секуляризованный вариант Западной цивилизации, где религия отсутствовала как компонент, а главным элементом стала технология; и как вы узнали, этот технологический срез, отщепленный от религиозной сущности нашей цивилизации примерно в конце XVII века, действительно умел проникнуть в жизнь дальневосточного общества, того самого, которое прежде отвергало попытку внедрить туда западный образ жизни единым блоком, вместе с религией, технологией и всем прочим.

Здесь мы имеем некое явление, по-видимому часто встречающееся, когда культурный луч цивилизации, охватывающей своим изучением других, упирается в незнакомое социальное тело. Соприкосновение этого чужого тела расщепляет луч на составные части подобно световому лучу, асцепляющемуся при встрече с призмой. Из оптики мы знаем, что некоторые из линий спектра обладают большей проникающей способностью по сравнению с другими, и мы можем наблюдать подобное явление с компонентами расщепленного культурного луча.

Для иллюстрации возьмем примеры из физики и медицины. Научившись расщеплять атом, мы, на свою беду, узнали, что частицы, составляющие атом какого-нибудь совершенно безвредного элемента, перестают быть безобидными и превращаются в грозную и опасную силу, как только отделяются отстройной структуры, какую представляет собой атом в целом, и пускаются в самостоятельный путь. Мы узнали также — правда,

уже не на свою беду, а на беду сообщество-отшельников, сумевших сохранить образ жизни первобытного человека, — что болезни, которые мы считаем незначительными, ибо за долгие века сосуществования с ними мы выработали против них стойкий иммунитет, могут оказаться смертельными для островных обитателей южных морей, впервые столкнувшихся с этими заболеваниями при появлении европейских вирусносителей¹.

Свободный луч культурного изучения, как свободный электрон или вирус заразной болезни, может оказаться смертельным в случае, если будет сдвинут со своего места в строгой структуре, в которой он функционировал до того, и пущен на волю в совершенно новую для себя среду. В первоначальной, родной структуре этот культурный луч, бацилла или электрон не имели возможности сеять смуту, будучи жестко привязаны к остальным компонентам той структуры, где все части и функции их пребывали в равновесии. Теряя связь с первоначальной структурой, свободная частица, бацилла или культурный луч не изменяют своей природы, однако та же, прежде безвредная природа вдруг обретает смертоносную силу, разорвав привычные связи. В этих обстоятельствах — где «успокоен мир», там «декаро пир», иными словами, что одного лечит, то другого калечит.

В том комплексе столкновений между остальным миром и Западом, который мы рассматриваем в данной книге, имеется классический пример того, какой вред может нанести некий институт, вырванный из привычной социальной среды и силой перенесенный в другую мир. За последние полтора века, что нам легко проследить, мы, западный политический институт «национальных государств», прорвали границы своей первородины, Западной Европы, и проложили путь усеянный шпиками гонений, резни и лишений, в Восточную Европу, Юго-Восточную Азию и Индию, для которых институт «национального государства» не был исконной принадлежностью социальной системы, но был экзотической структурой, сознательно импортированной с Запада отнюдь не потому, что был опробован и сочтен приемлемым для местных условий этих незападных регионов, а просто оттого, что политическая мощь Запада придавала его политическим институтам иррациональную, но неотразимую привлекательность.

Смута и опустошение, вызванные в этих регионах установлением заимствованного западного института «национальных государств», намного масштабней и глубже, нежели вред, нанесенный тем же институтом в Великобритании или Франции и других западноевропейских странах, где этот институт развивался спонтанно и постепенно, а не был искусственно перенесен извне.

Ясно, почему один и тот же институт вызывает столь поразительно различный эффект в двух различных социальных средах. В Западной Европе он не наносит особого вреда по той же причине, по которой, собственно, и возник там, а именно потому, что в Западной Европе он соответствует естественному распределению языков и политических границ. В Западной Европе люди, говорящие на одном языке, в большинстве случаев живут компактными сообществами на одной компактной же территории, где достаточно четкие лингвистические границы отделяют одно сообщество от другого; и там, где языковые границы образуют нечто вроде лоскутного одеяла, эта лингвистическая карта удобно соответствует политической, так что «национальные государства» появились как естественный продукт социальной среды. Большая часть исторической территории западноевропейских государств действительно примерно соответствует однородным кус-

сам лингвистической карты; это соответствие, разумеется, получилось в основном **непреднамеренно**. Западноевропейские народы вряд ли создавали, так процесс формирования их политических границ основывался на языковом базисе; поэтому и дух национализма в целом сложился в этих условиях легко и естественно. Те же языковые меньшинства, что оказываются как бы не по ту сторону границы, по большей части выказывали свою лояльность и встречали понимание, ибо их давнее сосуществование как «раждан единого сообщества с большинством, говорящим на «национальном языке», являлось историческим фактом, принимаемым как данность, ибо не было привнесено извне.

Посмотрим же теперь, что случилось, когда это зат западноевропейский институт «национальных государств», бывший естественным продуктом истории в месте своего рождения, оказался перенесенным на чужую территорию тех регионов, локальная лингвистическая карта которых имела совершенно иную структуру. Стоит посмотреть на языковую карту всего мира, и мы увидим, что европейское поле, где языки расположены достаточно четкими компактными и однородными блоками, — есть нечто особое и исключительное. На значительно большей территории, простиравшейся к юго-востоку от Дандига и Триеста до Калькутты и Сингапура, языковая карта отнюдь не напоминает лоскутное одеяло, скорее она похожа на перелетающееся шелковое покрывало. В Восточной Европе, Юго-Восточной Азии, Индии и Малайе люди, говорящие на разных языках, не разделены так четко, как в Западной Европе, они перемешаны географически, как бы чередуясь домами на одной улице одних и тех же городов и деревень; вот в этой иной социальной среде, где лингвистическая карта напоминает ковер, в котором нити разных цветов переплетаются между собой, имеется основа **не для** разделения границ между государствами, но для локализации занятий и профессий среди отдельных групп людей.

В Османской империи лет полтора назад, перед тем как западный институт четкого компактного однородного государства произвел свое разрушительное воздействие на этот чужой ей регион, турки были крестьянами и чиновниками, лазы — моряками, греки — моряками и торговцами, армяне — банкирами и торговцами, болгары — козопасами или овощеводами, албанцы — каменщиками и наемными солдатами, курды — пастухами и носильщиками, влахы — пастухами и корабельниками². Национальности не только были географически перемешаны, но и экономически взаимозависимы: такое соответствие национальностей и занятий было естественным порядком вещей в том мире, где языковая карта выглядела не лоскутным одеялом, а винегретом. В этом османском мире для того, чтобы создать национальные государства по западному образцу, следовало превратить языковой винегрет в языковое лоскутное одеяло, опять же по западноевропейскому образцу; однако сделать это можно было лишь варварскими методами, что и происходило последние полтора века с опустошающими результатами на огромном пространстве, протяннувшись от Судет до Восточной Бенгалии³. Таков разрушительный эффект, вызванный идеей перенести институт или методы, вырванные из своей природной среды, в социальное окружение, где они вступают в конфликт с естественным историческим развитием социальных структур.

Истина состоит в том, что каждое исторически сложившееся культурное пространство есть органичное целое, где все составные части взаимозависимы, так что при отделении одной из частей и сама эта часть, и оставшееся нарушенное целое ведут себя иначе, нежели в исконном состо-

янии. Вот почему «что полезно одному», то, по всей вероятности, «вредно другому»; и второе следствие — «одно влечет за собой другое». Если от культурного пространства отщепается некий клин и вбивается в чуждое социальное измерение, этот **отделанный клин непременно тянет за собой в чуждое общество другие элементы той социальной системы, где он чувствовал себя естественно и откуда насильно был извлечен**. Разорванное пространство тяготеет к воссоединению в том чуждом окружении, куда протирли путь одно из его компонентов.

Чтобы увидеть, как на практике происходит тот процесс при культурном взаимодействии, давайте рассмотрим пару конкретных примеров.

В Соединенной Королевстве была издана Голубая книга⁴ о состоянии социальной и экономической ситуации в Египте в 1839 году, где упоминается, что в это время главный родильный дом в стране был расположен на территории военно-морского арсенала в Александрии. Звучит странно, но если мы проследим за событиями, которые привели к такому паразитическому на первый взгляд результату, то увидим, что это было неизбежно.

К 1839 году османский генерал-губернатор Египта, небезызвестный Мехмед Али Паша, уже тридцать два года предпринимал усилия к тому, чтобы оснастить свою армию новейшим западным оружием. Провал наполеоновской экспедиции в Египте открыл Мехмеду Али глаза на необходимость иметь мощные военно-морские силы; при этом он сознавал, что флот по современной ему западной модели; ни добиться этого, чтобы египетские военные корабли строились в египетских доках руками египетских специалистов, но понимал он и то, что обучить египетский персонал и техников смогут лишь западные строители, инженеры и другие специалисты. Итак, Мехмед Али пригласил западных экспертов, привлекая их высокими зарплатами. И однако же, западные специалисты не спешили подписать контракты, пока не были уверены, что смогут привезти с собой семьи, а семьи они в свою очередь готовы были привезти лишь в том случае, если им будет обеспечено медицинское обслуживание по принятым в то время западным стандартам. Таким образом, Мехмед Али обнаружил, что он не может набрать столь нужных ему специалистов, не наняв одновременно и западных медиков; но поскольку он твердо решил создать флот, ему пришлось пригласить и медиков. Врачи, специалисты и их семьи прибыли все одновременно; специалисты принялись за строительство арсенала, медики, как и должно, следили за здоровьем женщин и детей этой новой западной колонии в Александрии. Однако скоро они обнаружили, что, сколь революционно ни исполнял свой долг, **остается слишком много свободного времени, и, будучи энергичными, проникнутыми общественным сознанием практиками, они решили сделать что-то полезное и для местного населения**. С чего начать? По всей видимости, акушерство оказалось на первом месте. Таким образом и возник родильный дом в границах морского арсенала, и данная последовательность событий, как мы видим, была естественна и неизбежна.

Эта поучительная история убеждает нас в том, с какой быстротой одно влечет за собой другое при культурном взаимодействии, а также и в том, на какую революционную глубину может проникнуть этот процесс. При жизни того поколения, о котором мы говорим здесь, традиционная изоляция мусульманской женщины от контакта с мужчинами за пределами ее собственного дома соблюдалась еще настолько строго, что в Турции, например, даже во время болезни, угрожавшей жизни любимой жены су-

тана, самое большее, что в соответствии с исламским обычаем мог сделать западный врач для своей драгоценной царственной клиентки, — это прогнать пухляка на запястье руки, стыдливо высунутой из-за плотного пологая, скрывающего невидимую постель больной. Это все, что разрешилось закорючкой правителя — по всем приметам, полнопроводного диктатора. В то время и самодержавие султана не способно было преодолеть традиционные исламские социальные условия, даже в вопросах жизни и смерти Дороного для него существа. И вот в течение жизни того же поколения ситуация изменилась настолько, что мусульманские женщины уже смело входили в пределы чужеродного арсенала, чтобы воспользоваться услугами этих неверных западных акушеров. Столь полный разрыв с традиционными исламскими понятиями о приличиях в отношениях между мужчинами и женщинами был прямым следствием решения египетского паши о создании военного флота по западному образцу, и этот невольный и на первый взгляд отдаленный социальный эффект последовал за вызвавшей его технологической причиной в кратчайший промежуток времени — менее половины жизни одного поколения!

Такой пикантный, однако вполне репрезентативный отрывок из социальной истории дает возможность понять до какой степени заблуждались османские государственные деятели XIX века, думая, что смогут оснастить свою страну подходящими западными вооружениями и остановить на этой точке дальнейшую вестернизацию страны. И только во время Мустафы Кемала Ататюрка, уже в наши дни, османские мужи признали ту истину, что в рискованном предприятии культурного взаимодействия одно неизменно влечет за собой другое: до тех пор, пока внедрение западных вооружений и армейских атрибутов, принятое на Западе, и западных методов обучения не приведет за собой не только эмансипацию мусульманских женщин, но и замену арабского алфавита на латинский и отделение от государства исламской Церкви, которая ранее во всех исламских странах безраздельно властвовала над всеми сторонами жизни.

В наши дни великий современник Ататюрка Махатма Ганди в Индии также понял, что в культурном взаимодействии одно неизбежно влечет за собой другое. Ганди видел, что мириады хлопковых нитей — взращенных, конечно, в Индии, но превращенных в пряжу в Ланкастере и там же сорванных в одежду для индийцев — грозили связать Индию с Западным миром паутиной-сетью, которую вскоре будет труднее разорвать, чем стальные оковы. Ганди увидел, что, если индусы будут носить одежду, шитую на Западе из ткани, изготовленной на западных станках, они вскоре захотят иметь подобную технику в Индии для той же цели. Сначала начнут импортировать прядильные и ткацкие станки из Англии, затем научатся делать это оборудование самостоятельно, наконец, станут покидать свои поля, чтобы работать на современных индийских ткацких фабриках или литейных заводах, и, как только привыкнут работать по западному, пристроятся и к западным формам досуга, развлечениям — кино, собачьим бегам и всему остальному, — пока не обнаружат в себе ростков западных Махатмы рисовало картину превращения хлопкового семени в огромное дерево, ветви которого затеняют весь континент; и тогда индийский народ обратится к своим соотечественникам с призывом спасти свои души, подобный под корень это мощно разросшееся западное дерево. Они попытались дать им пример, проводя ежедневно несколько часов за прядкой и

ткацким станком, ткал вручную старинным индийским способом, ибо видел, что только разрыв зарождавшихся экономических связей между Индией и Западом сможет уберечь индусское общество от полной и окончательной вестернизации⁵.

Предвидение Махатмы Ганди оказалось безошибочным. Вестернизация Индии, которую он предсказывал и пытался предотвратить, начала и продолжает бурно развиваться именно из того самого зернышка — хлопкового семени; верным было и средство Ганди против западной инфекции. Однако пророку так и не удалось убедить своих последователей в необходимости отстаивать независимость Индии ценой крайнего экономического аскетизма. Отказаться от потребления товаров из хлопка, производимых машинным способом, в то время означало понизить уровень жизни индийского крестьянства еще ниже тогдашнего нищенского уровня и полностью разорить те едва нарождавшиеся классы рабочих и хлопковых фабрикантов, которые пытались укрепиться на собственной индийской земле — и в Бомбее, и в родном городе Ганди, Ахмадабаде. Ганди оставил неизгладимый след в истории Индии и всего мира; однако, по иронии судьбы, история распорядилась так, что его усилия по спасению страны от вестернизации дали противоположный эффект, ускорив этот процесс в сфере политической. Именно Ганди с триумфом привел страну к национальному самоопределению, то есть главной политической цели Запада. Даже гений Ганди не смог перебороть беспомощное действие социального «закона»: в столкновении культур одно неминуемо влечет за собой другое, если появляется хоть малейшая брешь в защитном механизме общества, подвергшегося штурму.

Наше исследование со всей очевидностью показывает, что внедрение чуждой культуры есть процесс болезненный и тяжелый; при этом инстинктивное противодействие жертвы инновациям, грозящим разрушить традиционный образ жизни, делает этот процесс еще более болезненным, ибо, сопротивляясь первым уколам чужого культурного луча, жертва вызывает лишь его дифракцию — расщепление на отдельные элементы, — после чего неохотно допускает наиболее мелкие, казалось бы, незначительные и поэтому не столь разрушительные из всех для нее ядовитых элементов чуждой культуры в надежде, что на этом сумеет остановить дальнейшее вторжение; однако же, поскольку одно неизбежно влечет за собой другое, жертва скоро обнаруживает, что приходится по частям принять и все остальные элементы вторгшейся культуры. Поэтому не вызывает удивления то, что естественное отношение жертвы к вторгающейся чуждой культуре — это саморазрушающее чувство враждебности и агрессивности.

В ходе нашего обзора мы наблюдали, что отдельные государственные деятели в незападных странах, испытавших штурм Запада, осознавали, что общество, обожженное радиацией более мощной незнакомой культуры, должно либо принять этот новый образ жизни, либо погибнуть. Перед нашими глазами предстали фигуры Петра Великого, Селима III, Махмуда II, Мехмеда Али, Мустафы Кемала и высшего чиновничества Японии периода Мэйдзи. Эти примеры позитивного и конструктивного Ответа на Вызов культурной агрессии суть свидетельства высокого государственного мышления, ибо такой Ответ — победа над природными склонностями. Природный инстинкт — это инстинкт устрицы, закрывающей створки, или черепахи, скрывающейся в панцире, ежа, свернувшегося в колючий клубок, наконец, страуса, зарывающего голову в песок; в истории столкновений с

Западом — как России, так и ислама — есть примеры именно такой реакции на Вызов.

В консервативных умах попытки научиться бороться с агрессивной чуждой цивилизацией ее же оружием вызовут немало опасений. Все ваши Петры и Мустафы Кемали, скажут они, просто сдают позиции под давлением необходимости привести свои оборонные силы в соответствие со временем. Не лучше ли дать отпор чужой культуре при помощи решительного и непреклонного бойкота этому ненавистному чудовищу? Если бы мы скрупулезно, до запятой соблюдали святые заповеди, оставленные нам Господом наших предков, разве не растрогался бы Он и не протянул нам в помощь Свою правую руку, защитив от нашествия неверных? В России так рассуждали старожилы, шедшие на муки ради соблюдения мельчайших — на сторонний взгляд, совершенно несущественных — деталей церковных обрядов⁶; в Исламском мире такой же была реакция ваххабитов, сенусситов, идрисидов⁷, махдистов и других пуританских сект, вышедших из Пустыни на тропу войны против османских вероотступников, которые, в глазах фанатиков, предали ислам, избрав западный путь развития.

Суданского фанатика Мухаммада Ахмада можно противопоставить русскому технократу Петру; однако ни овладение чужой новейшей технологией, ни ревностное сохранение традиционного образа жизни не может быть полным и окончательным Ответом на Вызов наступающей чуждой цивилизации. Чтобы узнать, каким же должен быть окончательный ответ, следовало бы заглянуть вперед, в ту главу неоконченной истории столкновения мира с Западом, которая еще скрыта от нашего взора в тумане будущего. Это недостающее звено мы можем воспроизвести, если вернемся к истории столкновения мира с греками и римлянами, ибо в этом эпизоде свиток истории раскрыт полностью, от начала до конца, так что все содержание этой старинной книги лежит перед нашими глазами. Возможно, наше будущее можно расшифровать по книге греко-римского прошлого. Посмотрим, что мы сможем извлечь из этого прошлого.